

Правовые и религиозные начала в социально-правовом регулировании средневекового монгольского общества

Шатуев Николай Викторович
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой теории и истории права и государства
Бурятского государственного университета
670053, Улан-Удэ, бульвар Карла Маркса 25 «А», кв. 5
тел.: +79025638284

Shatuev Nikolay Viktorovich PhD.,
managing chair of the theory and history legal and state of Buryat state university
670053, Ulan-Ude, Charles Marx's parkway 25 «A», 5
phone: +79025638284

В статье рассматривается правовая система средневековой Монголии. Автор исследует религиозные начала данной правовой системы.

In article the legal system of medieval Mongolia is considered. The author investigates the religious beginnings of the given legal system.

Рассматривая проблемы взаимодействия права и религии в процессе регуляции общественной жизни средневековой Монголии, в аспекте генезиса обозначенных институтов, следует отметить, что современная наука рассматривает право и религию как тесно связанные между собой элементы сложной системы социального регулирования. Очевидным фактом является то обстоятельство, что подобная связь обусловлена одним и тем же предметом воздействия – поведением людей, социальных групп и их взаимоотношениями. В связи с этим интересна точка зрения Ю.В. Тихонравова, которая представляется продуктивной для рассмотрения нашего вопроса. Так, по его мнению, возникновение права непосредственно из требований религиозной идеи происходит лишь тогда, когда группа людей, одержимых этой идеей, силой подчиняет себе группу других людей, не разделяющих данных религиозных убеждений. Чаще всего такое превращение происходит в тех случаях, когда данная религиозная идея предполагает смысл такого навязывания [1].

В данном случае описываются такие ситуации, когда люди, видящие смысл в определенном образе жизни, навязывают этот образ жизни другим

людям. В этих случаях религиозные основания подобной активности непосредственно приобретают правовой характер на основе чистой силы [2]. Действительно, универсальной нормой преобразования религиозной нормы в правовую норму, является чистое принуждение, или власть. Необходимо отметить, что право имеющее религиозные корни всегда имеет власть, в качестве неперменного и единственного условия существования.

Достаточно ярко, на наш взгляд, это проявляется в правовой системе средневековой Монголии. Так, источники XIII века донесли до нас комплекс противоречивых на первый взгляд данных о том, как мыслили себе монголы устройство мира. Общим в них является только одно: по мнению монголов, во Вселенной существует единая верховная сила, именуемая Небом (Тэнгри, Тэнгри - Вечное Синее Небо), от которого исходит все в миропорядке и его законах, все судьбы, удачи и неудачи: «Они веруют в [существование] Единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также творцом как блаженства в этом мире, так и мучений» (Плано Карпини); они «знают единого вечного бога [Тэнгри] и зовут его по имени» (Гайтон [Гетум] Армянский); «Мы, монголы, верим, что существует только единый Бог, которым мы живем и которым умрем» (Монкэ-хаган в передаче Рубрука).

Отметим, что вся правовая система средневекового монгольского государства целиком основывается на такой теократической идее. Акты Чингис-хана и его преемников опираются на силу Тэнгри и выступают от его имени: «Вечное Небо открыло нам двери и путь [в битве с кераитами] вот почему - (далее объясняется, что из-за удали и решительных действий одного военачальника)»; «Когда с помощью Вечного Неба будем основывать всенародное государство наше»; «Вечное Небо умножит силу и мощь вашу»; «От Неба силой всевышнего Бога исходит Божья помощь, а на земле помощью Его явилось благоденствие» (изречения Чингис-хана); «Божественной силой вечного Неба [и] Океанического хана всего великого монгольского народа [т.е. Чингис-хана] мы, [правлящий хаган], повелеваем»

(вступительная формула к письмам и эдиктам Гуюка); «Повеление вечного Бога! На небе существует лишь один вечный Бог, и на земле нет господина [господина], кроме Чингис-хана, сына Бога, - [их именем] это мы вам говорим» (вступительная формула эдикта Монкэ-хагана); «Именем доблести вечного Бога, именем [силы] великой мировой державы монголов, это слово Монкэ-хагана» (вступительная формула письма Монкэ-хагана); «От лица Вечного Неба, от лица суу [судьбы, рока] властителя [Чингиса], мы, Аргун, говорим» (аналогичная формула письма ильхана Аргуна).

При исследовании взаимосвязей правовых и религиозных норм в средневековых актах Монголии можно обнаружить, что такое взаимодействие наиболее ярко проявляется в публичных отраслях права – государственном и уголовном праве. Характерно, что именно в нормах уголовного права прослеживается религиозная составляющая: это достаточно жестокое санкционирование религиозных преступлений, система ордалий, практически постоянная постатейная ссылка на Вечное Небо и проч.

Отметим, что с генетической стороны именно уголовно-нормативная регламентация людских поступков и уголовное преследование наиболее тесно, по сравнению с иными подразделениями системы права, связаны с моралью. Условия нормальной жизнедеятельности людей, требующие ответственности человека за свое поведение выражаются в морали и лишь потом в «морально отработанном» виде воспринимаются государством, в результате чего образуется уголовно-правовая часть правовой материи - уголовное право и прилегающие к нему правовые подразделения, в том числе пенитенциарное право [3].

При этом взгляде на правовую систему средневековой Монголии можно сделать следующие выводы:

во-первых, имеется изначальная общность права и религии, которые берут свое начало в духовных корнях монгольской истории;

во-вторых, данная общность проявляется в самом факте сосуществования религиозных и правовых норм, в том числе, в государственном и уголовном

праве;

в-третьих, длительное использование религиозных компонентов в актах Монгольской империи свидетельствует, с одной стороны, об эффективности действия таких правовых актов, а с другой стороны, о высоком уровне религиозного сознания населения.

Н.В. Шатуев

---

1. Тихонравов Ю.В. Религии мира. М. 1996. С 13-16.
2. Обобщение подобных случаев дает повод многим исследователям, во-первых, отрицать какие-либо формы права кроме писаного права, а во-вторых, отождествлять право с властью как с проявлением чистой силы.
3. Алексеев С.С. Философия права. М., 2003. с. 54

1. Tikhonravov Y.V. World religions. M. 1996. С 13-16.
2. Generalization of similar cases allows an occasion to many researchers to deny, first, any forms of the right except the hand-written right and secondly, to identify the right with the power as with display of pure force.
3. Alecseev S.S. Legal philosophy. M., 2003. с. 54